

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-10>

**АКТУАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
СЛУХОВОЙ ПЕРЦЕПЦИИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИВАНА ДЬЯЧКОВСКОГО «КУСТУГУ
СИТТЭРБИЭН» («БЕГ ЗА РАДУГОЙ»))**

УДК 81'27

Раиса П. Иванова

Политехнический
институт (филиал)
Северо-Восточного
федерального
университета
им. М.К. Аммосова
Мирный,
Российская Федерация

Аннотация

Статья представляет собой когнитивно-семиотический анализ лексики слуховой перцепции в автобиографическом романе Ивана Дьячковского-Кыталык Уйбаан «Кустугу ситтэрбиэн» («Бег за радугой»). В центре исследования – интерпретация звуковых образов как элементов языковой картины мира якутского народа. На материале текста выявляются устойчивые модели, связывающие акустические явления (голос, песня, крик птиц, стук сердца) с эмоционально-когнитивными состояниями главного героя – ребёнка-инвалида, воспринимающего мир через призму звуковых символов.

Анализируются такие модели, как «Слуховая перцепция → надежда», «Слуховая перцепция → несчастье», «Слуховая перцепция → присутствие», «Слуховая перцепция → достижение цели», «Слуховая перцепция → спасение» и др., отражающие культурно-специфические особенности якутского мировоззрения. Звук в романе функционирует как ключевой семиотический ресурс, позволяющий герою конструировать альтернативную реальность, компенсирующую физические ограничения.

Доказывается, что слуховая перцепция не только раскрывает внутренний мир персонажа, но и выступает средством передачи традиционных представлений народа Саха о связи человека и природы, роли звука в мифопоэтической картине мира. Особое внимание уделяется символике криков стерхов и звуков природы, которые становятся для героя проводниками в мир духовных ценностей и национальной идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: слуховая перцепция, когнитивно-семиотическая модель, якутский язык, картина мира, художественный текст, символика звука, атипичная коммуникация, этническая идентичность

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Раиса П. Иванова, 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-10>

UPDATING COGNITIVE-SEMIOTIC MODELS OF AUDITORY PERCEPTION IN THE YAKUT LANGUAGE (BASED ON IVAN DYACHKOVSKY'S WORK "KUSTUGU SITTERBIEN" ("RUN FOR THE RAINBOW"))

UDC 81 27

Raisa P. Ivanova

Polytechnic Institute
(branch) of the
North-Eastern Federal
University named after
M.K. Ammosov
Mirny,
Russian Federation

Abstract

This article presents a cognitive-semiotic analysis of the vocabulary of auditory perception in Ivan Dyachkovsky-Kytalyk Uybaan's autobiographical novel *Kustugu Sitterbien* (Chasing the Rainbow). The study focuses on the interpretation of sound images as elements of the linguistic worldview of the Yakut people. Drawing on textual evidence, it identifies recurring patterns that link acoustic phenomena – such as the human voice, singing, birdsong, and the beating of the heart – to the emotional and cognitive states of the protagonist, a child with a disability who perceives the world through the prism of auditory symbols.

The analysis examines such models as “Auditory Perception → Hope,” “Auditory Perception → Misfortune,” “Auditory Perception → Presence,” “Auditory Perception → Goal Attainment,” and “Auditory Perception → Salvation,” among others, which reflect culturally specific features of the Yakut worldview. In the novel, sound functions as a key semiotic resource that enables the protagonist to construct an alternative reality compensating for his physical limitations.

The study demonstrates that auditory perception not only reveals the character's inner world but also serves as a means of conveying traditional Sakha conceptions of the relationship between humans and nature, as well as the role of sound in the mythopoetic worldview. Particular attention is paid to the symbolism of the cries of Siberian cranes and the sounds of nature, which become guides for the protagonist into a world of spiritual values and national identity.

KEYWORDS: auditory perception, cognitive-semiotic model, Yakut language, worldview, literary text, sound symbolism, atypical communication, ethnic identity

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Raisa P. Ivanova, 2026

1 | Введение

Исследования слуховой перцепции в лингвистике развивались в нескольких ключевых направлениях. Так, В. В. Яцковский комплексно исследовал роль слуховой перцепции в формировании языковой картины мира на материале английского языка [Яцковский, 2005]. Г. Ф. Хакимова разработала принципы лексикографического описания слуховых концептов в русско-английском функционально-когнитивном словаре [Хакимова, 2005]. Е. А. Слободян расширила исследовательскую парадигму, проведя сопоставительный анализ семантического поля слухового восприятия в русском, польском и английском языках, что позволило выявить как универсальные, так и специфические языковые особенности репрезентации аудиального опыта [Слободян, 2007]. М. В. Токарева изучила механизмы концептуализации слухового восприятия в современном английском языке, уделив особое внимание метафорическим моделям и фреймовой организации аудиальных концептов [Токарева, 2012]. С. И. Шабанова предложила семантическую классификацию лексики слухового восприятия на материале повести А. П. Чехова «Степь» [Шабанова, 2022]. В работе И. Лю рассматривается лингвистическое моделирование ситуации объектного слухового восприятия на материале русскоязычных путевых очерков журнала «Вокруг света», выделяются объектно-активная и объектно-пассивная модели перцепции [Лю, 2023]. Средства образной номинации слухового восприятия в русском языке рассматривались Л.В. Калининой [Калинина, 2023, с. 47]. Роль слуховой семантики в индивидуально-авторской языковой картине мира писателя рассматривалась И. В. Башковой и О. В. Фельде на материале русского языка [Башкова, Фельде, 2024].

На материале тюркских языков также проводились значимые исследования: особенности лексико-семантического поля слухового восприятия в башкирском языке изучались в работе Л.Н. Якуповой [Якупова, 2010], а лингво-когнитивный анализ глаголов слухового восприятия в хакасском языке представлен в исследовании М. Д. Чертыковой и А.Д. Каксина [Чертыкова, Каксин, 2020].

В рамках когнитивно-семиотического подхода, который подразумевает изучение взаимосвязи между познанием, знаковыми системами и процессами смыслообразования, слуховое восприятие анализируется нами как процесс означивания, преобразующий акустические явления в элементы языковой картины мира [Иванова, 2024].

Ключевым фактором сближения когнитивной науки и семиотики, по мнению исследователей-лингвистов, выступает их общий объект исследования – семантика языковых

единиц [Козлова, Кремнева, 2021, с. 48] или смыслообразование [Богданова, 2022, с. 20]. Иначе говоря, полноценное изучение семантики невозможно без анализа когнитивных процессов, сопровождающих использование языка как знаковой системы.

Когнитивная семиотика использует триангуляцию методов, включая первый (субъективный), второй (интерсубъективный) и третий (объективный) подходы, чтобы обеспечить более полное понимание семиотических явлений [Zlatev, 2012, p. 15]. В связи с этим, при когнитивно-семиотическом моделировании мы применяем одновременно методы когнитивной лингвистики (когнитивное моделирование) и семиотики (интерпретация и трансформация знаков). Когнитивно-семиотическое моделирование – это авторский конструкт, позволяющий глубже погрузиться в смыслообразование с учётом креативного трансформационного потенциала языковых знаков.

Данный подход предполагает создание абстрактных репрезентаций (когнитивно-семиотических моделей), которые описывают, как перцептивные данные (например, звук) интерпретируются сознанием через призму культурно-обусловленных знаков и символов. Например, модели «Слуховая перцепция → эмоция» или «Слуховая перцепция → идентификация объекта» отражают переход от физического сигнала к его ментальной репрезентации в сознании носителя языка. При этом когнитивно-семиотическое моделирование слуховой перцепции не только объясняет, как звук становится знаком, но и раскрывает его роль в поддержании культурной идентичности и трансляции традиционных ценностей.

Художественный текст становится пространством взаимодействия универсальных когнитивных структур и культурно-специфических способов осмысления звуковой реальности. На материале автобиографического романа Ивана Дьячковского-Кыталык Уйбаан «Кустугу ситтэрбиэн» («Бег за радугой») исследуется репрезентация слуховой перцепции, отражающая особенности якутской языковой картины мира. Повествование ведётся от лица мальчика-инвалида, что позволяет раскрыть уникальные механизмы звукового восприятия как компенсаторного способа познания мира. Анализируется функционирование лексем слуховой перцепции, формирующих сложную семиотическую систему произведения.

2 | Когнитивно-семиотические модели слуховой перцепции в произведении Ивана Дьячковского-Кыталык Уйбаан «Кустугу ситтэрбиэн»

Роман начинается с повествования о том, как взрослые люди говорили о мальчике-инвалиде как о безнадежном бремени:

- 1) *Олобу лаппа билэр дьон тылын иһиттэхпинэ, хайдах да киһи-хара буолар кыабым суох (Кыталык, с. 12).* Если послушать слова хорошо знающих жизнь людей (взрослых), я никогда не стану полноценным человеком.

Подслушав разговор соседских женщин, Ваня с болезненной ясностью осознаёт, что воспринимается окружающими как обуза для семьи. Это становится для него тяжёлым открытием, поскольку ранее мальчик не осознавал свою инвалидность как проблему. Возникает острый когнитивный диссонанс: с одной стороны – любовь и поддержка семьи, представляющей его будущее в героических тонах через сравнение с былинным Ильёй Муромцем, с другой – жестокий прагматизм окружающих. Этот эпизод демонстрирует формирование когнитивно-семиотической модели «Слуховая перцепция → когнитивный диссонанс», где звуковая информация вступает в противоречие с существующей картиной мира ребёнка.

- 2) *Дьахталлар убайдарбар-бырааттарбар: - Иһиттигит дуо? Ийэбит өссө биир уолу атыыласпыт. Саллааттар эбиллибиккит. Дьэ, мантан ыла мээңэ мэниктииргит, сүүрэгит-көтөргүт тохтуура буолуо. Оҕобутун көрөр буоллаххыт дии, — диэтилэр (Кыталык, с. 14).* Женщины моим братьям: – Вы слышали? Ваша мама купила (родила) еще одного мальчика. В вашем полку прибыло. С этого дня перестаёте баловаться и играть. Будете смотреть за ребёнком.

Известие о рождении брата изначально несёт двойственное значение: радостное событие одновременно знаменует переход к новой жизни с повышенной ответственностью. Однако смерть матери трансформирует восприятие этой новости – она становится символом сиротства и утраты. Формируется когнитивно-семиотическая модель «Слуховая перцепция → несчастье», где звуковая информация приобретает трагическую семантику.

- 3) *Кини кэпсээниттэн биир да тылы мүччү ыһыктыбаттарбын ханнык диэн болбойон иһиттим: — Бу орто дойду олоҕо барыта Үрүн Аар Тойонтон тутулуктаах. Кини тохсус халлаан үрдүттэн барытын көрө олорор. Бу дьоллоох буолуон сөп диэбит киһитигэр айыы көтөрүн — кыталыгы ыытар (Кыталык, с. 16).* Я слушал его рассказ очень внимательно, чтобы не упустить ни одной детали: – Жизнь на земле полностью зависит от Үрүн Аар Тойон (Бога). Он с девятого уровня неба смотрит на нас. Тому человеку, кого он посчитает счастливым, он посылает божью птицу – стерха.

Отец рассказывает детям сказку о стерхах – птицах счастья, по якутским поверьям. Ваня, затаив дыхание, слушает отца и находит в этом рассказе надежду: он верит, что, увидев танец

стерхов и загадав желание, сможет вернуть маму. Слуховая информация трансформируется в устойчивый образ надежды, формируя когнитивно-семиотическую модель «Слуховая перцепция → надежда». Стерхи становятся для мальчика не просто птицами, но символом преодоления горя и воплощения мечты.

В одно раннее утро отец сажает Ваню на спину и приносит на красивую поляну:

- 4) *Манна киһи хараба эрэ үөрэр буолбатах, айылҕа тыаһа-ууһа бэйэтэ дыкти музыка буолан иһиллэр (Кыталык, с. 22).* Здесь радуется не только глаз, звуки природы льются прекрасной музыкой.

Не только внешне природа кажется мальчику красивой, но и её звуки создают прекрасную атмосферу, предвосхищая что-то доброе и хорошее. Прекрасные звуки природы, таким образом, являются знаками-индексами предстоящего радостного события. Реализуется когнитивно-семиотическая модель «Слуховая перцепция → радость». Наконец, Ваня видит стерхов – божьих птиц:

- 5) *Тугу эрэ иһиллирдии, тулаларын көрүнэ-көрүнэ, чочумча тура түстүлэр. Биир кыталык кырыымпалыы куолаһынан хатаннык хаһыытаатын кытта, бары тутталлара-хапталлара уларыйа обуста. Сорох кыталыктар турууктаан ыла-ыла оргууй абай төттөрү-таары хаамыталыылар, турар сирдэригэр өрүтэ ыстангалаан ылаллар (Кыталык, с. 23).* Как будто прислушиваясь чему-то, осматриваясь, они постояли немного. Один из стерхов звонко крикнул голосом, похожим на звук кырымпы (якутской скрипки), и поведение остальных птиц тут же поменялось. Некоторые птицы стали кричать и ходить величественно туда-сюда, то подпрыгивая вверх, то останавливаясь на месте.

Наблюдая танец стерхов, Ваня замечает, как звуки, издаваемые птицами, служат сигналами к действию. Вожак стаи особым криком возвещает начало танца. В этот момент мальчик загадывает желание о возвращении матери. Хотя оно не сбывается буквально, позже он осознаёт: в этих птицах мать продолжала жить духовно. Звуковая коммуникация стерхов актуализирует модель «Слуховая перцепция → присутствие», где акустические сигналы становятся знаком незримой связи с утраченным близким человеком.

- 6) *Күн ахсын, аан тыаһын иһиттэбим аайы, «во!» киирэн кэлэрин кэтэһэрим. Күндүүл ааһан испитэ. «Во!» суобун курдук суох этэ (Кыталык, с. 25).* Каждый раз, когда я слышал звук двери, я ждал, что войдёт «во!» Дни шли, а «во» так и не появлялся.

Ваня, неправильно поняв брата, начинает верить в мифическое существо «во!», которое должно принести счастье. Он с надеждой прислушивается к каждому звуку открывающейся двери, ожидая появления волшебного помощника. Звук двери трансформируется в акустический символ грядущей радости, знак возможного исполнения желаний. Таким образом формируется когнитивно-семиотическая модель «Слуховая перцепция → ожидание счастья», где слуховые сигналы становятся проводником надежды и предвкушения счастливых перемен.

- 7) *Оттон онно ийэбит ырыата иһиллибэт дуо? Кыталыктар үнкүүлэрин көрбөтүгүт дуо? Аһам кыталыктары «Ыраах да ыраах» көрбүппүт диэбитэ. — Суох, онно биир да ырыа иһиллибэт. Кыталыктары да көрбөтүбүт (Кыталык, с. 30). А вы там не слышали песню нашей матери? Не видели танец стерхов? Отец мне сказал, что стерхи находятся далеко-далеко. – Нет, никаких песен там не слышно. И стерхов не видели.*

Когда братья вернулись домой после долгой игры вдали от дома, Ваня спросил их, не слышали ли они пение матери в тех далёких местах. Для мальчика материнская песня остаётся звуковым индикатором её связи с ней, даже несмотря на физическое отсутствие. Этот эпизод иллюстрирует когнитивно-семиотическую модель «Слуховая перцепция → присутствие», где слуховой образ становится символом непрерывной связи с утраченным близким человеком, преодолевая пространственное и временное расстояние.

Ваня спрашивает братьев, не видели ли они стерхов в тех далёких местах, ведь отец сказал, что мама теперь там, где танцуют эти птицы. Узнав, что братья не слышали материнской песни и не видели стерхов, мальчик говорит:

- 8) *Мин эһиги курдук сатаан хаамарым эбитэ буоллар, ол «Ыраах да ыраах» диэн сиргэ тийиэн сэршилэһэ оонньообокко эрэ, ийэм ырыатын иһиллээн, ийэбин булан, кини буһарбыт минньигэс аһын аһаан баран, онно үүннэрбит сибэккилэригэр уу кутуо уонна иккиэн кыталык үнкүүтүн көрүү этибит (Кыталык, с. 30). Эх, если бы я мог ходить так же, как и вы, дошёл бы до того самого «далеко-далеко», и вместо того, чтобы играть там в войну, услышал бы мамину песню, нашёл бы её, поел бы её вкусных угощений, затем мы бы полили цветы и вдвоём посмотрели бы на танец стерхов.*

Голос матери остается для него звуковым ориентиром, знаком её непрерывного присутствия в мире. Эта наивная вера отражает глубокую экзистенциальную потребность мальчика – через слуховое восприятие сохранять связь с ушедшим человеком. Формируется модель «Слуховая

перцепция → преодоление утраты», где акустический образ становится инструментом отрицания конечности смерти и эмоционального выживания.

Осенью Ваня идёт в школу. Там он влюбляется в девочку. Он пишет ей письмо и кладёт его в её дневник. После этого он слышит сильный стук своего сердца:

- 9) *Төnnөн, кини наартатыттан тэйдэбим, бэйэм миэстэбэр чугааатабым аайы, сүрэбим тыаһа күүһүрдэр-күүһүрэн истэ. Оннубар озорбуннар, сүрэбим тыаһа кылааһы биир гына тингидэ (Кыталык, с. 43).* Когда я шёл обратно к своему месту и отдалялся от её парты, моё сердце колотилось всё сильнее (досл. звук моего сердца становился всё громче и громче). Когда я сел на свое место, моё сердце стучало на весь класс (досл. звук сердца был слышен во всём классе).

Ваня переживает сильное волнение, которое проявляется через физиологические реакции – учащённое сердцебиение, субъективно воспринимаемое как громкий, слышимый окружающими стук сердца. Этот соматический звук становится акустическим выражением его эмоционального состояния:

- Арааһа мин сүрэбим тыаһа көрүдүөргэ кытта иһиллэр быһыылаах. Билигин кылааһым оҕолоро киһирэн, сүрэбим тыаһын иһиттэхтэринэ: «Оо, Ваня эрэйдээх өлөн эрээхтиир! Ваня, баһаалыста өлүмэ, биһиги эйигин кытта оонньоохпун», — диэн аһын да аһын буолуохтара. Бэйэбин аһыннарыахпын баҕарбаппын (Кыталык, с. 43).* Кажется, стук моего сердца слышен даже в коридоре. Сейчас мои одноклассники, зайдя в класс, услышат его и скажут: «Ой, бедный Ваня, умирает! Ваня, пожалуйста, не умирай, мы будем с тобой играть», – будут жалеть меня. А я не хочу, чтобы меня жалели.

Звук собственного сердца, гиперболизированный до крайней степени, становится слышен Ване даже в коридоре; мальчику кажется, что он сейчас умрёт. Этот физиологический симптом служит знаком сильнейшего эмоционального возбуждения. Посредством слуховой лексики автор описывает состояние влюблённости, реализуя когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → чувство влюблённости».

- 10) *Инньэ гынан сурукпун, чуораан тыаһыан иннинэ тиийэн, төттөрү ыллым. Ити кэнниттэн, сурукпун Кыталык Кыыс кинигэтигэр, суумкатыгар, сонун сизбигэр уура сатаабытым да, сырыы аайы сүрэбим тыаһын тулуйбакка, төттөрү ыларым. Күн бүгүнүгэр диэри, ол сурукпун кыайан биэрбэккэ сылдьабын (Кыталык, с. 43).* Пришлось забрать обратно моё письмо до звонка. После этого я

пытался положить письмо в её книгу, сумку, рукав пальто, но, не выдерживая стука (досл. звука) своего сердца, забирал обратно. До сегодняшнего дня я так и не передал его.

Охваченный сильнейшим волнением, Ваня так и не смог признаться девочке в своих чувствах. Громкий стук его сердца, описанный в тексте, становится красноречивым символом той глубокой, но невысказанной любви.

Обрадованный предстоящим походом, Ваня тщательно к нему готовился. Однако в школе он услышал от одноклассников жёсткие требования уйти, чтобы из-за него не отменили мероприятие. Они не хотели брать его, чтобы «не возиться». Но Ваня решил дождаться учительницы, чтобы узнать её мнение:

Ол да буоллар, учууталым санаатын билиэм, тылын-өһүн истиэм диэн, аан аттыгар олордум (Кыталык, с. 49). И всё же, чтобы узнать мнение учительницы, услышать её слова, я остался сидеть у двери.

Ваня хочет лично услышать вердикт учительницы, чтобы убедиться окончательно. Её слова будут для него прямым отражением её мысли: «учууталым санаатын билиэм, тылын-өһүн истиэм» (узнаю, что думает учительница, послушаю, что она говорит). Таким образом, слуховая перцепция здесь выступает как знак-индекс мыслительной деятельности, реализуя модель «Слуховая перцепция → мнение».

Ваню не берут в поход. Решив догнать одноклассников, он заблудился и вышел на поляну, где когда-то с отцом видел стерхов – птиц счастья. Теперь это место было неузнаваемо: повсюду валялся мусор, пахло бензином. Не было ни птиц, ни мамы. Тогда Ваня решил запеть – чтобы мама, услышав его голос, нашла его:

Куоласпын истэн, ийэм миигин хайыы үйэбэ булбута ыраатыа этэ. Оччоҕо билигин мин сибэкки ортотугар ийэм минньигэс аһын аһыы олорор буолуом этэ. Бачча чуумпуга мин ырыам ыраахха диэри иһиллэр буолуохтаах (Кыталык, с. 55). Услышав мой голос, мама давным-давно нашла бы меня. Я бы сейчас среди цветов ел бы мамины вкусные угощения. В такой тишине моя песня, должно быть, слышна издалека.

Голос здесь функционирует как знак-индекс, непосредственно указывающий на личность человека и выступая инструментом для его обнаружения. Таким образом, реализуется когнитивно-семиотическая модель: «Слуховая перцепция → идентификация личности».

После случая с отказом Ваня начал ежедневно тренироваться, чтобы преодолевать большие расстояния. В следующий поход его взяли. Дети уже взобрались на вершину горы, а Ваня всё ещё поднимается:

11) «Ура-а!» *хаһыы иһиллибитигэр хантайан көрбүтүм, оһолор бары чыпчаалга тураллар эбит (Кыталык, с. 64). Услышав* крики «Ура-а!», я поднял голову и увидел, что все ребята уже были на вершине горы.

Крики «Ура!» служат знаком-индексом достижения вершины, реализуя модель «Слуховая перцепция → достижение цели». Услышав насмешки одноклассников, Ваня оступает, но хватается за куст шиповника. Игнорируя издёвки, он продолжает путь и на вершине слышит крик стерхов.

Заметив, что стерхи летят в сторону той местности, где они однажды с отцом видели их, Ваня сбегает и блуждает несколько дней в тайге. На четвертый день его находят охотники, когда он, услышав выстрелы, выбегает к ним, защищая птиц. Отец, услышав объяснения Вани, не наказывает его и, делая вид, что торопится, уходит на работу.

12) *Абам, мин тылбын-өспүн истэн баран: «Киһэ кэллэхпинэ миигин эрэйдээбиккин ситиһиэм», – диэбитэ уонна үлэтигэр барбыта (Кыталык, с. 78). Услышав* мои слова, отец сказал: «Вечером, когда приду домой, покажу тебе, как меня изводить», – и ушёл на работу.

В данном случае событийный слуховой объект (объяснение Вани) позволяет отцу понять истинный мотив поступка сына и избежать наказания. В данной пропозиции также имплицитно выражены любовь и забота отца, что реализует когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → проявление любви и заботы».

Ваня снова сбегает из дома, в надежде увидеть птиц счастья – стерхов. В этот раз он хорошо подготовился, взял запасы еды, шины для переправы через реку, спички, фотоаппарат и многое другое. Он стал фотографировать животных и птиц и наблюдать за ними.

13) *Фотоаппараат тыаһа миигин бу орто дойдуга төнүннэрэрэ. Ити сайын мин элбэх кыыл, көтөр олобун туһунан билбитим. Сарсыарда аайы туруйалар хаһылыарыттан уһуктарым, киһэ аайы кинилэр сангалара миэхэ биһик ырыа буолара (Кыталык, с. 80). Звук* фотоаппарата возвращал меня на землю. В то лето я многое узнал о жизни животных и птиц. Каждое утро я просыпался от *криков* журавлей, а вечером их *курлыканье* служило мне колыбельной песней.

В природе он чувствовал себя счастливым, свободным и независимым – там его никто не обижал. Погружённого в мечты мальчика возвращал в реальность щелчок фотоаппарата,

выступавший знаком-индексом действительности (модель «Слуховая перцепция → реальность»). Крики журавлей служили ему знаком-индексом наступления утра (модель «Слуховая перцепция → наступление утра»), а их курлыканье он наделял символическим значением колыбельной (модель «Слуховая перцепция → колыбельная»).

Так он провёл несколько дней в поле, фотографируя птиц и животных. Однажды, когда он слишком близко подошёл к стае, на него напал серый журавль:

14) Тыиннаах ордор баѳаттан кѳѳмэйим хайдарынан часкыйбытым, хаһытаабытым, туруйаны фотоаппараппынан, халамнаасынан сыһа-халты сабаабытым. Мин ыксаабыт хаһыым туруйа сүһүрѳаммыт хаһыытын баһыйбыт буолан, кини орѳууй аѳай тэйэн эрэрин көрөн, нэһиһлэ биир каадыры түһэрээт, буутум быстарынан куотар аакка түспүтүм (Кыталык, с. 80–81). Я кричал что есть мочи, стараясь создать как можно больше шума в надежде спастись от смерти, отбивался от журавля фотоаппаратом и биноклем. Мой истошный вопл всё же перекрыл угрожающий крик журавля, он тихо начал отходить назад, в это время я кое-как успел сделать один кадр и со всех ног бросился бежать.

Ваня использует громкий шум в качестве знака-индекса сопротивления и силы, чтобы птица отошла от него, птица же использует интенсивный звук для устрашения и угрозы. В действительности они оба сильно напуганы. Знак-индекс трансформируется в знак-символ страха и желания выжить как у человека, так и у птицы. Актуализируемая когнитивно-семиотическая модель: «Слуховая перцепция → чувство страха».

Убегая от атакующего журавля, Ваня встречает всадников:

15) Ол дьон: «Улуу ырыаһыт Шаляпин куолаһа түөрт биэрэстэлээх сиртэн, туруйа хаһыыта сэттэ биэрэстэттэн иһиллэр диһиллэр. Оттон эн часкыйбыккын истэммит, биһиги манна уон биэрэстэлээх сиртэн кэллибит», — дэһэ-дэһэ күлсүбүттэрэ (Кыталык, с. 81). Они: «Говорят, голос великого Шаляпина слышен с четырёх вёрст, а крик журавля с семи. А твой вопл мы услышали с расстояния десять вёрст», – смеясь, говорили.

Коневоды слышали крики Вани и обнаружили его в поле. Слуховой объект здесь выступает знаком-индексом присутствия мальчика. Голос, как перцептивный знак-индекс, идентифицирует человека актуализируется когнитивно-семиотическая модель «Слуховая перцепция → идентификатор». Ваня продолжает поиски стерхов и, наконец, находит их. Но, к сожалению, у него именно в этот момент заканчивается фотоплёнка:

16) Санаабынан кыталыктартан мин кэлэрбин кэтэхээринг диэн көрдөһөн баран, төттөрү сыыллан истэхпинэ, ханна эрэ чугас саа тыаһа эһиннэ. «Кыталыктар! Көтүг! Көтүг! Эһигини манна өлөрүүхтэрэ!» — диэн хаһыытаабытынан ойон турдум. Кыталыктарым мин үрдүбүнэн хаһыытыы-хаһыытыы иккитэ эргийээт, күн кыһын утуйа барар сириҥ диэки – собуруу көтө турдулар (Кыталык, с. 82). Про себя умоляя стерхов подождать меня, я пополз обратно, как вдруг услышал звук выстрела. «Стерхии-и! Улетайте! Улетайте! Здесь вас убьют!» – с криками я поднялся. Стерхи, крича, покружили надо мной два раза и улетели на юг – туда, где зимой садится солнце.

Перцептивный знак-индекс – звук выстрела – становится когнитивным знаком того, что охотники убьют прекрасных птиц. Это понимание заставляет Ваню подняться с земли и предупредить их об опасности своим криком. Он очень громко кричит, чтобы птицы испугались и улетели до того, как охотники выстрелят в них. Здесь перцептивный знак-индекс, интенсивный признак слухового объекта, предупреждает птиц об опасности, актуализируется когнитивно-семиотическая модель: «Слуховая перцепция → предупреждение».

Стерхи, в знак благодарности, кружат над мальчиком, издавая свои характерные звуки, которые он интерпретирует как слова благодарности за спасение, в этом случае функционирует когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → благодарность».

К осени Ваня возвращается домой и с удивлением обнаруживает, что никто его особо не терял, никто не стал даже спрашивать, где он был всё это время. Все уже привыкли к его странствиям.

Однажды отец берёт его с собой к родственникам и там Ваня узнаёт, как он в детстве получил травму:

17) Аҕаҥ биһирдэ ыһыахха биһир илиитигэр мүнэлээх, иккис илиитигэр эйигин көтөбөн туран эрэ: «Мин ааппын бу уолум Уйбааным ааттатаҕа», — диэн улаханнык санарбытын мин даҕаны, атын да кырдыаҕастар «уолун быһа эттэ» диэн сөбүлүү истибэтэхпит. Ол кэнниттэн сотору буолаат, эн эчэйэн куоракка балыыһаҕа киирбит сураххын истибиһпит. Оҕону итинник быһа этэр сыыһа (Кыталык, с. 89). Однажды на ысыахе (традиционный праздник якутов, день летнего солнцестояния) твой отец, держа в одной руке мүнэ (приз за победу в национальных видах спорта в виде бедренной кости животного с мясом в верхней части), в другой тебя, громко сказал: «Моё имя продолжит мой сын – Иван», – это не понравилось ни мне, ни другим старейшинам, подумали, «он сглазил своего

сына» (слишком уверенно и опрометчиво сказал о будущем сына) (досл. сказал заранее). Вскоре после этого мы услышали, что ты получил серьёзную травму и тебя увезли в городскую больницу. Нельзя так опрометчиво говорить о будущем, можно сглазить.

Старейшины связывали несчастье ребёнка (то, что он стал инвалидом), с тем, что отец однажды громко, перед всеми, похвалил его. По традиционным верованиям якутов, нельзя громко говорить о будущем, хвалиться, так как можно испортить свою судьбу. В якутском языке это понятие выражается лексикой слуховой перцепции: *быһа эт* (досл. сказать напрямик, заранее). Таким образом, громкий возглас о будущем символизирует сглаз, порчу в якутской языковой картине мира, что позволяет нам выделить когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → сглаз, порча».

Продолжая рассказ, дядя Вани говорит о том, что, боясь сглаза и злых духов, якуты не называли детей по имени:

18) *Былып тангара дьыэтэ, аҕабыт суоҕар, оҕо улаатан борбуйун көтөбүөр диэри бэйэтэ аата суох буолааччы. Ол киһи оҕото эрэ дэнэрэ. Дьыэтигэр оҕону бэйэтин дьоно, абааһыттан куоттаран, атыннык ынгыраллара* (Кыталык, с. 90). Раньше, когда не было церкви и священника, ребёнку не давали имя, пока он не окрепнет. Просто говорили: чей-то ребёнок. Дома ребёнка звали по-другому, чтобы абасы (злой дух) не услышал.

Имя человека, как его знак-индекс, имело особое значение в культуре народа Саха. Его нельзя было громко произносить на людях, особенно в детском возрасте. Знание имени человека позволяло злым духам вредить ему. Актуализируемая когнитивно-семиотическая модель: «Слуховая перцепция → уязвимость».

Поэтому, в семье детям давали прозвища:

19) *Холобура, эн убайгын Киэсэни биһиги бары Бэдэр диэн ааттыыбыт. Бэдэр курдук буолбат дуо, убайың, окко-маска ыттан түһэн?! (Кыталык, с. 90). Например, твоего брата Кешу мы зовём Рысью. Он ведь похож на неё, по деревьям лазит, ловкий такой.*

Индексальный знак — имя человека специально подменяли, чтобы абасы (злые духи) не навредили ему. Громкое произношение имени считалось опасным и нежелательным. Поэтому тот случай, когда отец Вани всем показал полуторагодовалого сына и назвал его громко по имени, явилось нарушением этих традиций и обычаев. Впоследствии, как считали мудрецы, мальчик упал в погреб и повредил себе позвоночник.

Осенью Ваня возвращается к учёбе и учится играть на баяне:

20) *Баянга сага ооннуурга үөрэнэн иһэн, кыракий да буоллар, мелодиялары айарга холоммутум. Ону учууталбар оонньоон иһитиннэрдэбим аайы хайбанарым (94).* Я начал играть на баяне и стал сочинять, хоть и небольшие, мелодии. Я их играл (досл. давал слушать) учителю, она меня каждый раз хвалила.

Мелодии, которые Ваня сочинял, нравились учителю. Они были знаками того, что у мальчика был талант к музыке, соответственно, можно выделить когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → наличие таланта».

Ваня с детства также очень хорошо умел рисовать. Его творческие способности развивались и взаимодействовали друг с другом:

21) *Бу хартыынам бүтэ илигиттэн, «табыллыһы» диэн үөрэ санаабытым. Тоҕо диэтэххэ, уруһуйдаатабым аайы ханна эрэ ыраах хартыынам түгэбэр нэһиһэ иһилэр-иһилибэт музыка чугаһаатар чугаһаан, күүһүрдэр-күүһүрэн испитэ (Кыталык, с. 96).* Ещё до завершения этой картины я с радостью осознал, что она хорошо выйдет. Потому что, пока я рисовал, где-то глубоко внутри картины звучала тихая музыка, которая постепенно становилась всё ближе и ближе, громче и громче.

Звук, исходящий из картины, был для мальчика знаком-символом того, что она хорошо получится. Актуализируемая когнитивно-семиотическая модель: «Слуховая перцепция → предвосхищение успеха».

22) *Кустук бүтэһик өгүн түһэрбитим кэннэ, хартыынабыттан музыка эрэ буолбакка, бүтүн ырыа иһилиннэ. Ол ырыа олонхо курдук хаһан да сабаламмыта, хаһан да бүтэрэ биллибэт, онно туох туойулларын туһунан кыра да буоллар өйдөбүл хаалараары, хартыынам бурдук ойуулаах муннугар манньк тыллар түспүттэрин суруйан бүтэрэн баран аахпытым (Кыталык, с. 97).* Как только я дорисовал последний цвет радуги, из картины послышалась не только мелодия, а целая песня. Эта песня, словно олонхо, не имела ни начала, ни конца, и чтобы запечатлеть хотя бы кусочек этой песни, в углу картины, где была изображена пшеница, я записал её слова.

Завершив картину, Ваня слышал исходящую из неё песню. Этот звук стал символом вдохновения и музыки, актуализируя модель «Слуховая перцепция → муза». Муза явилась ему в момент радости от завершённого творения. Весь процесс сопровождался звуком: сначала едва слышная мелодия изнутри холста к концу преобразилась в ясную песню, став знаком-

символом успеха и реализуя новую модель – «Слуховая перцепция → результат». Картина получилась настолько прекрасной, что казалась живой:

23) *Хартыынам тыыннаах, ол иһин дууһалаах. Ол дууһата ырыалаах. Ол ырыаны иһилли туран, бэйэбин хартыынам иһигэр сылдыар курдук сананным уонна маннык кэрэ сиргэ төрөөбүппүнэн киэн тутуннум, дьоллоох да эбиппин дии сананным (Кыталык, 97).* Картина моя живая, поэтому в ней есть душа. А у её души есть песня. Слушая эту песню, я представил себя внутри картины и почувствовал себя таким счастливым и гордым, что родился на такой прекрасной земле.

По словам мальчика, «картина пела», потому что была живой и обладала душой. Исходящие из неё звуки выступали знаками-символами одушевлённости, реализуя когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → живое существо». Песня картины позволяла Ване создавать внутри неё собственный символический мир, в котором он буквально жил. Поскольку на холсте была изображена его родина – поле с танцующими стерхами – в этом мире он ощущал себя абсолютно счастливым.

Картина так понравилась ему самому, что Ваня, планировавший отдать её на выставку, передумал и захотел оставить себе:

24) *Бу хартыынабын бэйэбэр букатын хаалларыахпын баҕарабын. Оронум үрдүгэр ыйыам, оччоҕо күн аайы туох туһунан ыллыырын истиэм этэ. Сибилигин даҕаны, төһө да суулана сырыттар, ырыата иһиллэргэ дылы. Ол эрэри, учууталбар биэрбэтэхпинэ, оскуолам чиеһин түһэн биэрэбин. Иккистээн манныгы кыайан уруһуйдааппын чопчу билэбин (Кыталык, 98).* Эту картину хочу навсегда оставить себе. Повешу её над кроватью и буду каждый день слушать, о чём она поёт. Даже сейчас, в обёртке, как будто слышно её песню. Однако, если я её не отдам учителю, я предам честь школы. Второй раз я точно не нарисую такую же картину.

Картина обрела для Вани особую духовную ценность, став частью его самого, той частью, с которой невозможно расстаться. Исходящие от неё звуки были для него воплощением самой жизни, её глубокой красоты, что реализует когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → красота». Единственным человеком, для которого он готов был пожертвовать этим сокровищем, стала девочка, в которую он был влюблён:

25) *Арай Кыталык Кыыс миигиттэн бу хартыынаны бэлэх ылан, дьийтигэр оронун үрдүгэр ыйыыра буоллар, баҕар уруһуйум ырыатыгар мин кинини сөбүлүүрбүн истиэ этэ (Кыталык, 98).* А если бы я подарил картину девочке Кыталык, она бы её повесила над своей кроватью и услышала бы от картины, как я её люблю.

Ваня верит, что картина способна говорить о том, о чём люди молчат. Он представляет, как девочка, повесив её над кроватью, услышала бы песню, рассказывающую в его любви. Таким образом, он наделяет картину символическим значением любви, передаваемым через её звучание, что актуализирует когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → любовь».

Ваня не хочет выставлять картину напоказ ещё и потому, что он боится, что злые люди своей критикой, косыми взглядами испортят её:

26) *Оттон өскөтүн айымньыбын хараҥа, ыар тыыннаах дьон үөхтэбинэ, мөхтөбүнэ, хасыһан туран куһаҕаны була сатаатахтарына, хартыынам хомойон, хараастан, кэлэйэн ыллаабат буолан хаалыа дии санаатахпына, үлэбин быыстапкаҕа биэриэхпин олох баҕарбаппын (Кыталык, 98).* Как подумаю, что люди с темными помыслами и злыми языками раскритикуют картину, специально будут искать плохое и осуждать моё творчество, из-за чего моя картина расстроится, опечалится и перестанет петь, у меня пропадает всякое желание выставлять свою работу.

Ваня страшится, что людская критика заставит картину умолкнуть – для него это равно духовной смерти. Мальчик проецирует на холст собственную душу и судьбу, ощущая его продолжением себя. Будучи всю жизнь объектом непонимания, он как художник боится, что его творчество не примут, и картина – хрупкое воплощение его «я» – будет отвергнута. Таким образом, звук (или его отсутствие) становится индикатором оценки, актуализируя модель: «Слуховая перцепция → критика».

В конце концов, Ваня решает выставить картину и получает за неё первое место в конкурсе рисунков и приходит к следующей мысли:

27) *Хартыынабын дьон сөбүлээбит, ырыатын ким да тохтоппотох, өйдөөбүттэр. Ол аата миигин да өйдүөхтэрин сөп эбит (Кыталык, 99).* Людям понравилась моя картина, никто не стал останавливать её пение, её поняли. Значит, и меня могут понять.

Будучи инвалидом детства и во многом не таким, как все, мальчик внутренне переживал из-за отношения к нему окружающих. Но эта победа в конкурсе окрылила его, и у него появилась

надежда на принятие обществом. Идея о том, что картина олицетворяла его самого, подтверждается вторым предложением, в котором он говорит, что если люди поняли пение картины, то и его поймут. Картина становится знаком-символом его личности, а звуки, издаваемые картиной – его жизненным путём. Выделим когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → жизненный путь».

Картина так понравилась зрителям, что учитель сказал Ване, что её отправят на выставку в Якутск. Всё лето он ждал результатов конкурса, но учитель говорил, что их еще нет. Осенью, придя в школу, среди мусора он находит свою картину:

28) *Бөһүөлэккэ үөрүүнү-көтүүнү ыһа турбут ырыа эмискэ ынчыкка кубулуйда. Тулам барыта өнгүн сүтэрэн, харааран хаалла. Кэннибин хайыспытым, мастерской дьэтин ойбоһугар өрөһөлөммүт оскуола өрөмүөнүн бөбүн быһыттан, хартыынам бурдуктаах, хоһоонноох муннуга миигин ынгырардыы тэлибирии, ынчыктыы сытар эбит. Сибэккибин, суумкабын сиргэ бырабаат, хартыынабын быһаары бөххө сүүрэн тиийдим (Кыталык, 100).* Только что игравшая в посёлке радостную мелодию музыка, превратилась в стон. Всё вокруг потеряло цвет, почернело. Оглянувшись назад, я увидел среди строительного мусора возле мастерской угол своей картины с пшеницей и словами песни, она, как будто зовя меня, тряслась и стонала.

Ваня слышал протяжный стон своей картины, которую, как оказалось, не отправляли на конкурс в Якутск, а выбросили, как мусор. Эмоциональное состояние героя описывается через восприятие звука: только что он радостный шёл в школу и слышал оптимистичную музыку, которая, внезапно превратилась, как он выразился, в стон, имплицитно его разочарование и грусть. Из контекста можно выделить когнитивно-семиотическая модель: «Слуховая перцепция → разочарование». Стон картины, таким образом, можно интерпретировать как знак-символ глубокого разочарования в людях, которые растоптали веру мальчика в лучшее:

29) *Хартыынам бүтэһигин ынчыктаан баран, тыыммат буолан хаалла (Кыталык, 100).* Картина, простонав в последний раз, перестала дышать.

Мальчику кажется, что картина издала свой последний стон и умерла, а вместе с ней, и его душа:

30) *Хартыынабын кытта «улуу хуудоһунньук» дууһатын кыталыктар үнкүүлээбит кумах кытылларыгар көмтүм, «здесь захоронена моя душа» диэн суруктаах кириэһи туруордум. Ыллыр хартыынабын, «улуу хуудоһунньугу», ийэбин, бэйэм дууһабын, Амма кэрэ көстүүлэрин аһыйан хас да чааһы быһа ытаатым*

(*Кыталык, 100*). Вместе с картиной я похоронил свою душу на песчаном берегу, где танцевали стерхи и поставил крест с надписью «здесь захоронена моя душа». Жалея свою певучую картину, «великого художника», маму, свою душу, прекрасные виды Амги, я проплакал несколько часов.

Для мальчика немота картины означала смерть не только её, но и его собственной души (модель: «Слуховая перцепция → смерть души»). Сидя у этого самодельного надгробия своего внутреннего мира, он уже потерял всякую надежду, как вдруг услышал знакомый звук кырымпы – якутского инструмента, похожего на скрипку:

31) *Кырымпа тыаһын истэммин: «Бу тугуй?» – диэбитинэн ойон турдум. Таас Сирэй хайа диэжиттэн кыталыктар миигин көрбүтүнэн намтаан эрэллэр эбит* (*Кыталык, 100*). Услышав звук кырымпы, со словами: «Что это?» – я вскочил. Со стороны горы Таас Сирэй стерхи летели вниз прямо на меня.

Кырымпа – старинный струнный смычковый инструмент, якутская скрипка, в звучании которой слышны архаичные мотивы предков и душа народа Саха. Её мелодию часто сравнивают с курлыканием стерхов. В момент глубочайшего отчаяния именно эти «птицы счастья» становятся для мальчика спасением. Их крики возвращают ему веру в прекрасное и вечное, даруя твёрдую решимость жить, расти и не сдаваться. Таким образом, курлыкание стерхов становится знаком-символом обретения надежды, актуализируя когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → спасение».

3 | Заключение

Таким образом, проведённый анализ репрезентации слуховой перцепции в романе Ивана Дьячковского-Кыталык Уйбаан «Кустугу ситтэрбиэн» («Бег за радугой») в рамках когнитивно-семиотического подхода позволяет утверждать, что звук в произведении функционирует как базовый механизм означивания, трансформирующий акустические явления в сложные ментальные репрезентации и культурные смыслы.

Через систему когнитивно-семиотических моделей автор раскрывает, как слуховой опыт структурирует внутренний мир героя и отражает этнокультурные особенности якутской языковой картины мира. Модели «Слуховая перцепция → надежда», «Слуховая перцепция → идентификация личности» или «Слуховая перцепция → спасение» демонстрируют, как звук становится:

1. инструментом познания и компенсации, так как для мальчика-инвалида слух выступает ключевым каналом взаимодействия с миром, позволяющим преодолевать физические ограничения;
2. носителем культурных кодов – специфические звуки (курлыканье стерхов, игра на кырымпе, материнская песня) аккумулируют в себе мифопоэтические представления народа Саха о связи человека с природой, предками и духовными сущностями;
3. средством эмоциональной и экзистенциальной рефлексии – через звуковые образы передаются сложные психологические состояния (когнитивный диссонанс, влюблённость, отчаяние, творческое озарение), а также формируется символический диалог между героем и утраченными близкими.

Важно отметить, что в романе семантика звука динамична – один и тот же акустический феномен (например, крик стерха) может приобретать разные значения в зависимости от контекста («предупреждение», «благодарность», «надежда», «счастье»), что подчёркивает роль культурного и индивидуального опыта в интерпретации слуховых сигналов.

Можно сделать вывод о том, художественный текст становится пространством взаимодействия универсальных когнитивных механизмов и культурно-обусловленных семиотических систем. Слуховая перцепция в произведении не просто отражает реальность, но конструирует её, выступая мостом между физическим и метафизическим, индивидуальным и коллективным, человеческим и природным. Это подтверждает продуктивность когнитивно-семиотического подхода для анализа того, как через язык и художественные образы формируется, сохраняется и трансформируется этническая картина мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Башкова, И.В., Фельде О.В. (2024) Семантика слухового восприятия в первой книге повести В.П. Астафьева «Последний поклон» // Казанская наука. № 9. С. 188–191.
- Богданова С.Ю. (2022) Когнитивная семиотика как междисциплинарная область в лингвистических исследованиях // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм. Сборник научных трудов. Иркутск. С. 16–22.
- Иванова, Р.П. (2024) Когнитивная структура глагола слуховой перцепции ишит в якутском языке. Вестник Томского государственного педагогического университета, №1. С. 87–96.
- Калинина, Л.В. (2023) Семантика восприятия: что можно видеть краем глаза и слышать краем уха. Отечественная филология. №4. С. 46–57. DOI: 10.18384/2949-5008-2023-4-46-57.
- Козлова Л.А., Кремнева А.В. (2021) Концептуальная метафора в когнитивно-семиотическом осмыслении // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. С. 47–59. DOI: 10.20916/1812-3228-2021-1-47-59.
- Лю И. (2023) Лингвистическое моделирование ситуации объектного слухового восприятия в путевом очерке (на материале журнала «Вокруг света») // Актуальные проблемы

лингвистики и литературоведения: сборник материалов X (XXIV) Международной научно-практической конференции молодых учёных. Вып. 24. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. С. 76–83. DOI: 10.17223/978-5-907572-02-7-2023-16

- Слободян, Е.А. (2007) Системный, функциональный и исторический аспекты семантического поля слухового восприятия (на материале русского, польского и английского языков). Дис. ... канд. филол. наук. Уфа: Башкирский государственный университет. 243 с.
- Токарева, М.В. (2012) Концептуализация слухового восприятия в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет. 180 с.
- Хакимова, Г.Ф. (2005) Представление сферы слухового восприятия в русско-английском функционально-когнитивном словаре. Дис. ... канд. филол. наук. Уфа: Башкирский государственный университет. 160 с.
- Чертыкова, М.Д., Каксин, А.Д. (2020) Концептуализация слухового восприятия в фольклорно-языковой картине мира (на материале героического сказания «Албынчы»). Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение, №1. С. 100–111.
- Шабанова, С.И. (2022) Семантическая классификация лексики слухового восприятия в повести А.П. Чехова «Степь». В сб.: Семантика. Функционирование. Текст. Киров: Радуга-ПРЕСС, С. 36–42.
- Якупова, Л.Н. (2010) Лексико-семантическое поле слухового восприятия в башкирском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Уфа: Башкирский государственный университет. 180 с.
- Яцковский, В.В. (2005) Роль процессов зрительного и слухового восприятия в формировании языковой картины мира: На материале английского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет. 197 с.
- Zlatev J. (2012) Cognitive semiotics: An emerging field for the transdisciplinary study of meaning // Public Journal of Semiotics. 2012. T. 4. №. 1. P. 2–24.

REFERENCES

- Bashkova, I.V., Felde, O.V.* (2024) Semantika slukhovogo vospriyatiya v pervoy knige povesti V.P. Astafyeva "Posledniy poklon" [Semantics of auditory perception in the first book of V.P. Astafyev's story "The Last Bow"]. *Kazanskaya nauka*, (9), pp. 188–191 (In Russian).
- Bogdanova, S.Yu.* (2022) Kognitivnaya semiotika kak mezhdistsiplinarnaya oblast' v lingvisticheskikh issledovaniyakh [Cognitive semiotics as an interdisciplinary field in linguistic research]. In: *Lingvistika i lingvodidaktika v svete sovremennykh nauchnykh paradigm. Sbornik nauchnykh trudov*. Irkutsk, pp. 16–22 (In Russian).
- Chertykova, M.D., Kaksin, A.D.* (2020) Kontseptualizatsiya slukhovogo vospriyatiya v fol'klorno-yazykovoy kartine mira (na materiale geroicheskogo skazaniya «Albynchy») [Conceptualization of auditory perception in the folklore-linguistic world view (based on the heroic epic "Albynchy")]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova: Seriya Eposovedenie*, (1), pp. 100–111 (In Russian).
- Ivanova, R.P.* (2024) Kognitivnaya struktura glagola slukhovoy pertseptsii *ihit* v yakutskom yazyke [Cognitive structure of the auditory perception verb *ihit* in the Yakut language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (1), pp. 87–96 (In Russian).
- Kalinina, L.V.* (2023) Semantika vospriyatiya: chto mozhen videt kraem glaza i slyshat kraem ukha [Semantics of perception: what you can see out of the corner of your eye and hear out of the corner of your ear]. *Otechestvennaya filologiya*, (4), pp. 46–57. DOI: 10.18384/2949-5008-2023-4-46-57 (In Russian).

- Khakimova, G.F.* (2005) Predstavlenie sfery slukhovogo vospriyatiya v russko-angliyskom funktsional'no-kognitivnom slovare [Representation of the sphere of auditory perception in the Russian-English functional-cognitive dictionary]. Diss. ... kand. filol. nauk. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet. 160 p. (In Russian).
- Kozlova, L.A., Kremneva, A.V.* (2021) Kontseptual'naya metafora v kognitivno-semioticheskom osmyslenii [Conceptual metaphor in cognitive-semiotic interpretation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, (1), pp. 47-59. DOI: 10.20916/1812-3228-2021-1-47-59 (In Russian).
- Liu I.* (2023) Lingvisticheskoye modelirovaniye situatsii obyektного slukhovogo vospriyatiya v putevom ocherke (na materiale zhurnala «Vokrug sveta») [Linguistic modeling of the situation of objective auditory perception in a travel essay (based on the magazine "Around the World")]. In: Aktual'nyye problemy lingvistiki i literaturovedeniya: sbornik materialov X (XXIV) Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh. Issue 24. Tomsk: National Research Tomsk State University, pp. 76–83 (In Russian).
- Shabanova, S.I.* (2022) Semanticheskaya klassifikatsiya leksiki slukhovogo vospriyatiya v povesti A.P. Chekhova «Step'» [Semantic classification of the vocabulary of auditory perception in A.P. Chekhov's novella "The Steppe"]. In: Semantika. Funktsionirovanie. Tekst. Kirov: Raduga-PRESS, pp. 36–42 (In Russian).
- Slobodyan, E.A.* (2007) Sistemnyy, funktsional'nyy i istoricheskiy aspekty semanticheskogo polya slukhovogo vospriyatiya (na materiale russkogo, pol'skogo i angliyskogo yazykov) [Systemic, functional and historical aspects of the semantic field of auditory perception (based on Russian, Polish and English languages)]. Diss. ... kand. filol. nauk. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet. 243 p. (In Russian).
- Tokareva, M.V.* (2012) Kontseptualizatsiya slukhovogo vospriyatiya v sovremennom angliyskom yazyke [Conceptualization of auditory perception in modern English]. Diss. ... kand. filol. nauk. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet. 180 p. (In Russian).
- Yakupova, L.N.* (2010) Leksiko-semanticheskoe pole slukhovogo vospriyatiya v bashkirskom yazyke [Lexical-semantic field of auditory perception in the Bashkir language]. Diss. ... kand. filol. nauk. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet. 180 p. (In Russian).
- Yatskovskiy, V.V.* (2005) Rol' protsessov zritel'nogo i slukhovogo vospriyatiya v formirovanii yazykovoy kartiny mira: Na materiale angliyskogo yazyka [The role of visual and auditory perception processes in the formation of the linguistic world view: Based on the English language]. Diss. ... kand. filol. nauk. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. 197 p. (In Russian).
- Zlatev, J.* (2012) Cognitive semiotics: An emerging field for the transdisciplinary study of meaning. *Public Journal of Semiotics*, 4 (1), pp. 2–24.

Раиса Петровна Иванова

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой английской
филологии и социогуманитарных
дисциплин,
Политехнический институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный
федеральный университет
им. М.К. Аммосова».

Адрес для корреспонденции:
678170, Республика Саха (Якутия),
г. Мирный, ул. Тихонова, 5/1

Эл. адрес: raissal@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9757-1779>

Raisa P. Ivanova

Candidate of Philological Sciences,
associate professor,
head of the English and Arts department,
Mirny Polytechnic Institute (branch) of
M.K. Ammosov North-Eastern Federal
University.

Correspondence address:
5/1 Tikhonova Street,
Mirny 678170,
Republic of Sakha (Yakutia),
Russian Federation.

Email: raissal@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9757-1779>

Для цитирования: *Иванова Р.П.* Актуализация когнитивно-семиотических моделей слуховой перцепции в якутском языке (на материале произведения Ивана Дьячковского «кустугу ситтэрбиэн» («Бег за радугой»)) // Социолингвистика. 2026. № 1. С. 181–202. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-10

For citation: *Ivanova R.P.* Actualization of cognitive-semiotic models of auditory perception in the Yakut language (based on the work of Ivan Dyachkovsky “kustugu sitterbien” (“Running for the rainbow”)) // Sociolinguistics. 2026. No. 1. Pp. 181–202. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-10

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 01.09.2025;
approved after reviewing 10.03.2026;
accepted for publication 26.06.2026.